

18+

Татьяна Степа

«МОНСТР» ИЗ 10 «Б»

Юмористическая романтика

Татьяна Степа
«Монстр» из 10 «Б».
Юмористическая романтика

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63523837
ISBN 9785005195357*

Аннотация

Женя Удалова даже не думала понравиться школьному хулигану. Но чередой случайностей – и ей приходится выбираться из непростой ситуации. Чтобы отделаться от такого кавалера, она вместе с друзьями разрабатывает целый план. В результате личные симпатии героев запутываются еще больше. А Женя понимает, что, пытаясь следовать новой модели поведения, стала сама несколько агрессивна. И где та золотая середина? В непростой ситуации Жене помогает чувство юмора и приемы релаксации по выходным.

Содержание

1	5
2	10
3	14
4	21
5	25
6	29
7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

«Монстр» из 10 «Б»
Юмористическая
романтика
Татьяна Степа

© Татьяна Степа, 2021

ISBN 978-5-0051-9535-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Я решила завести дневник, чтобы придавать разным событиям моей жизни смешной и забавный оттенок. И потому, что вот еще что произошло.

После новогодних каникул меня подрядили выполнять всякие поручения. Наша «классная» решила, что ей не хватает помощников, и на роль посыльного выбрала почему-то меня. Именно поэтому во время уроков я иногда прогуливалась по коридорам на вполне законных основаниях.

Директор уже не удивлялась, встречая меня в тихих закоулках, взгляд ее сразу отмечал бумажки в руках и важность выполняемой задачи. Отсутствие электронного журнала и прочих нововведений требовало шевелить ногами. Роль старосты класса выглядела вполне необременительной, так что месяца два я наслаждалась своей «должностью», пока... пока не произошло то самое – решительное и непоправимое.

Как-то раз буквально за пару минут до начала перемены шла я в учительскую, и только завернула в левое крыло здания, как врезалась в него, «монстра» из 10 «Б».

Самый ужасный монстр в нашей школе, от которого можно ожидать только неприятности. Хотя зовут его вполне обыденно – Виталик Селиверстов. Что он там делал в такое время, непонятно.

Журнал я, конечно же, выронила от неожиданности такой

встречи. Еще как назло – никого рядом. Так что весь его словарный запас должен был неминуемо вырваться наружу.

В общем, присела я поднять журнал, да так и осталась сидеть, ухватившись за него. На всякий случай еще и глаза прикрыла, наблюдая за кедями перед моим носом. Все ждала, когда они развернутся вместе со своим хозяином. Я досчитала до трех, но кеды оставались на том же месте, а в это время сверху тишину сотряс водопад из разных не очень приличных слов.

Вот тогда я зажмурилась, вцепившись в журнал обеими руками. Жаль, уши нечем было прикрыть от потока ругани, извергаемой Селиверстовым. Я старательно ее пропускала мимо, – чтобы в одно ухо влетало, а в другое – вылетало. Тактика моего младшего брата, как называет такой маневр мама.

Главное, не вслушиваться, а просто наблюдать за набором звуков и будто отстраниться, чтобы летели они в стену и ударились в нее, а не в меня. Хотя, конечно, отдельные слова зависали в воздухе, но я торопилась сдуть их в том же направлении, чтобы не задерживались.

В общем, поругался Селиверстов, хотел уже дальше идти, но я-то все сижу, с места не двигаюсь. А ему, наверное, не хотелось меня обходить – он же привык по прямой, и чтобы все врассыпную. А тут уселась посреди коридора какая-то там...

Он меня слегка коленом пошевелил, чтобы уже трогалась с места. А я ни в какую. Протест, наверное, хоть и запозда-

лый вдруг выразился в таком упрямом сидении. Ничем другим объяснить этот момент не могу. Хотелось, чтобы он исчез, как только я открою глаза. Как тайфун или ураган, совершенно случайно залетевший не на ту часть планеты.

И тут, похоже, он испугался! Он даже спустился вниз – то есть тоже присел – и начал мне голову поднимать:

– Эй. Ты чего? Ушиблась что ли? Да не молчи ты, – он ухватил меня за плечо и слегка потряс. – Але! Эй! Глаза открой! Да что с тобой?!

И дунул мне в лицо.

Если бы это был кто другой...

...Я сначала еще больше зажмурилась, а потом, к его вероятному облегчению, разлепила веки и попыталась улизнуть. Но замешкалась, нерасторопная я в этом деле.

Монстр так строго и хмуро посмотрел, что я глупо улыбнулась и выдавила что-то вроде:

– Журнал... несу, – помолчала и добавила зачем-то. – Ту-да...

И кивком показала куда. Он нахмурился еще больше, что-то долго соображал, но хватку ослабил. Тогда я осторожно начала отходить по направлению к учительской.

Скрывшись за спасительной дверью, я прислонилась к стене и выдохнула. Хорошо, что там никого не было.

Я нащупала пульс на запястье и начала отсчитывать, выравнивая дыхание. Так мы делали иногда после пробежки на тренировке. Такое чувство, будто ты сама себя держишь

и успокаиваешь.

Минуты полторы на восстановление, чтобы начать нормально соображать – и, вуаля, сеньорита готова к подвигам.

Чтобы себя не волновать лишний раз, я на всякий случай решила все-таки отсидеться подольше – куда торопиться-то? Урок скоро закончится, в учительской никого нет, и можно посмотреть пока в окошко, как снегом припорошило следы до калитки, вычислить, что солнце сегодня вряд ли выглянет и подумать, что на тренировку лучше пойти.

Тренер может сообщить маме, что я уже два раза пропустила, а скоро сдавать на разряд. Теннис мне, конечно, нравился, но иногда не очень.

Звонок вырвался из здания и спугнул голубя на карнизе. Топот старшеклассников еще громче возвестил о том, что началась перемена. Я поднялась с подоконника и подумала, что слишком торможу. Но все же мысль, которая меня посетила за время пережитого что я никогда больше не пойду в конце урока относить журналы, плакаты или еще какую-то важную макулатуру, даже если наша «классная» очень этого захочет. Мне такие стрессы ни к чему. Я в школу учиться хожу! ,

Девчонкам на перемене я поведала, что меня чуть не покалечили и что, оказывается, плакаты и журналы носить не так безопасно и приятно, как могло показаться на первый взгляд.

– Легко отделалась, – высказалась Вера, нахмутив брови, – здоровый бугай!

– Да, – подтвердила Лена, внимательно разглядывая мое лицо в поисках повреждений, – у тебя тут красное пятно, на виске.

Я пощупала пятно, вспомнила, что вроде удар пришёлся больше в плечо, а не в голову.

– Да это я натерла, пока в учительской была, – быстро сообразила я.

Лена наклонилась ко мне, с сомнением разглядывая пятно, которое перестало быть увечьем. Но не согласилась:

– Непонятно. Во всяком случае, вроде ничего страшного.

Мой 10 «А» собирался на физкультуру. Хорошо, что теперь я не такая маленькая и стою не в конце строя, как когда-то. Но сегодня – лыжи. Лучше бы были коньки, на них я лучше умею.

Переодевшись, мы с инвентарем выстроились на площадке.

– Сегодня пять кругов по второй трассе, выдал физрук.

– А почему так много? – недовольно отзываются девочки.

– Просто пять кругов в любом темпе. Кто решит пройти быстро – тот сразу свободен.

Парни оживились.

Последний урок всегда проходит радостно и шумно. Лыжню проложили вдоль забора, там, где летом травка растет, а в конце мая греются одуванчики. Этот маршрут, натоптанный с младших классов за сбором первых цветов, связан только с приятным – приближающимся окончанием учебы.

А пока холода и снег мы топаем по прошлогоднему лету, мечтая о новом.

Физрук у нас молодой и симпатичный. Бежит впереди, отталкиваясь как будто от воздуха, так что мы за ним еле поспеваем. А он подбадривает, чтобы быстрее. А мы стараемся, чтобы ему понравиться. И еще потому, что надо изучить маршрут.

Через неделю соревнования – придется бегать по трассе вместе с другими представителями школы вплоть до одиннадцатого класса.

То, что будет одиннадцатый класс, слегка будоражило. В нем с недавних пор учился наш с Веркой «обожометр» Никита. Обожометром мы его назвали в порыве нежности. Когда он появился в школе, мы были уверены, что он актер, потому что так в нашем понимании выглядят все актеры: уверенно, любезно и равнодушно. А он оказался братом нашей Лены – она тоже недавно перешла к нам учиться, – и совер-

шенно нигде не снимался.

Мало того, что он никакой не актер и вроде даже не мечтает, выяснилось еще, что он фанатеет от какого-то треш-рока, чем очень достает сестру. Она назвала его полным эгоистом, грубияном и кем-то еще. Я уже не помню.

Но это не мешало нам продолжать фанатеть от самого Никиты, потому что мы решили, – он непременно станет актером, а Ленка потом перестанет на него злиться и достанет нам автограф.

Мало кому выпадает возможность лицезреть своего кумира чуть ли не каждый день, стоит только посмотреть расписание и подняться на нужный этаж. Лена иногда не знает, куда мы сбегает на пару минут, если несколько дней Никиты нигде не видно. А сегодня он мне встретился сразу же после «монстра», так что плохое настроение улетучилось, и на физ-ре я уже дышала полной грудью и радовалась жизни, а не сжималась в комок.

Вера говорит, что я так реагирую на агрессию, замираю, и мне надо перестать слишком бояться и быть понапористее.

– Надо выпустить свои колючки. Или издавать звуки отпугивающие. Шипи, например.

Ленка засмеялась:

– Да, подумает или придурочная, или с борьбы какой.

– Неважно. Если надо отогнать, они даже по позе считают эту готовность. Нам же нужен результат, а не что он там подумает.

Верка умная, и у нее мама – психолог. Думаю, Вера тоже станет психологом. Недавно она выдала нам такую фразу, я даже записала потом:

– Человек должен быть способен заглянуть в себя и понять, почему он поступает и реагирует именно так, а не иначе. Тогда он сможет поменять свои автоматические реакции и стать уверенной и осознанной Личностью.

С этим не поспоришь.

В общем, я согласилась. Теперь от испуга буду наступать, а не отступать. Вот такая тактика.

Монстр больше на меня не налетал, даже не приближался, так что с момента встречи все вошло в свою колею до дня соревнований. В этот день произошла еще одна незабываемая встреча.

Иногда рано утром на небе еще видны звезды, их не успело затмить солнце своим сиянием, и они красиво обрамляют далекое и неведомое. А потом тают, и мы снова только на Земле. Это ни хорошо и ни плохо, иначе у нас не было бы времени заниматься своими простыми делами.

Пока собираешься в школу надеваешь на себя все: одежду, защиту, маску и манеры, принятые в твоем окружении. Так все общаются на этой планете или только в нашем районе?

У меня новая шапка, она делает мне настроение, и маску и манеры, соответственно. И я иду слегка с понтом, как будто на подиуме. Мне иногда просто нравится дурачиться. Так веселее.

Соревнования решили проводить в пятницу на заднем дворе школы сразу после занятий. Сбор объявили к трем часам. День выдался не особо солнечным, но и не серым, как паутина. Снег с утра летал огромными хлопьями, щекотал нос и норовил залепить глаза. Теперь мягким слоем лежал под ногами и поскрипывал при ходьбе. Минус пять показывали электронные часы на здании напротив, переключаясь, то на погоду, то на время.

Мы стояли на крыльце, распаковывая лыжи и вдыхая свежесть улицы, пока не объявили построение.

Команду для кросса набирали среди тех, кто показал хорошее время на тренировочной пробежке, и кто выразил желание поучаствовать для итоговой оценки. Всем пробежавшим ставилась поощрительная пятерка. По лучшим десяти бегунам от класса выводился средний балл.

Мы с Верой участвовали, Лена создавала группу поддержки.

Пока мы надевали ботинки, ставили мысок на крепление, чтобы пристегнуться, кто-то уже вовсю гонял рядом с трассой. И охота им делать столько лишних кругов?

Мы с Веркой облокотились на палки и подвигали лыжами взад-вперед, чтобы проверить скольжение. Хорошо снег не липучий, а то недавно потеплело, потом снова похолодало, и мерзлая корка кое-где осталась.

Интересно, кто бежит от одиннадцатого? Я стала искать глазами знакомые лица – и разочарованно вздохнула. Верка сразу все поняла и скривила забавную рожицу, подразумевая «а ты что думала»... Я думала прокатиться с пользой и радостью: поглазеть на нашего кумира и сделать так, чтобы он нас с Веркой заметил, хоть ненадолго.

Одиннадцатый класс не утруждал себя лишними нагрузками, – такое впечатление, что им было все равно. Ровно десять человек со скучающим видом ждали начала «прогулки». Никита даже не пришел! А я-то в предвкушении встречи отделалась от привычного хвоста и распустила волосы по плечам. Сверху шапочка, купленная вместе с Верой

(и у нее такая же) на распродаже в спортивном магазине. Со стразами. Белая!

Но все мои старания оказались бесполезными, а вернее, ненужными, из-за отсутствия нашего будущего артиста. Ну и ладно. Такой облом... Зря наряжалась. Даже смешно. Глупости все это.

Я переключилась на хорошую погоду, тем более Вера сегодня приглашала нас в гости. У нее отец работает шеф-поваром, так что сходить в гости к Вере – все равно, что наведаться в ресторан, в котором лично я была всего два раза в жизни.

Объявили старт, мы выстроились паровозиком – и помчались по проложенной лыжне вдоль заборчика. Здравствуй, весна, мы ждем тебя и каникулы!..

Раскрасневшиеся и довольные мы с Веркой прикатили к финишу в числе первых. Лена радостно махала нам обеими руками и посылала воздушные поцелуи. Она стояла на пригорке и с интересом наблюдала за всеми. На лыжах я ее не видела ни разу. Она нас – раз пять. К физкультуре у Лены был чисто созерцательный интерес. Она наблюдала, но не участвовала – тогда она спорт любила. Иначе – ненавидела, чем очень расстраивала нашего физрука, который нравился почти всем девочкам.

Вскоре она спустилась к нам.

Мы не спешили снимать лыжи, удобно облокотившись на палки. К финишу подошли последние участники, и судьи

начали совещаться и считать.

– Жень, как думаешь, еще долго? – наклонилась ко мне Лена. – Есть охота.

Я пожала плечами, кто их знает, сколько еще будут тянуть, пока объявят результаты. И улыбнулась, спрятавшись в шарф, – оказывается, не я одна жду с нетерпением мини-ресторан.

Напоминание о еде вызвало легкое урчание в животе. Пришлось его придержать рукой, чтобы утихомирить.

Я заметила, что чувство голода ощущаешь больше по мере взросления. Два года назад мне к концу занятий не так хотелось есть, как теперь. Наверное, требуется больше топлива для организма.

Главное, сегодня не объестся, как в прошлый раз, а то на тренировке будет тяжело. После еды сильно покалывает в боку при беге, а на разминке нас гоняют, будь здоров. Я несколько отвлеклась и стала рассеянной.

Снежинки посыпались мелкой крупой, оставляя мокрые следы на куртке. Сейчас снова начало теплеть, и подтаявшие сугробы начинали рыхлеть и оседать.

Приближался мой второй звездный час...

Мы стояли в стороне чуть выше других, оглядывая трассу и ожидая решение физрука. Пора заканчивать мероприятие пока все не вымокли.

Наконец-то начали объявлять победителей. Никто не удивился, что этот ужасный 10 «Б» опять занял первое место

по школе – в прошлом году была та же история. Виталик Селиверстов занимался в какой-то спортивной секции, и лыжи его сверкали с завидной быстротой. И еще несколько человек в его команде бегали не хуже.

Призовых мест нам не досталось и, нисколько не огорчившись такой ерундой, мы начали отстегивать пластиковые «ходули», и тут меня кто-то толкнул.

От одной лыжи я уже открепилась, а вот от второй – еще не успела, и в полуприсяде начала съезжать с небольшого склона как раз на легендарного, спортивного монстра.

– Берегись, – на всякий случай сказала я. Крикнуть не получилось.

Хорошо, что в последний момент он повернулся. Я врезалась ему прямо в грудь. До сих пор не пойму, почему мне не пришло в голову тормозить, завалившись назад или в сторону. Снег уж очень влажный был, может поэтому?..

Монстр поймал меня на своей груди, и мы упали вместе – сначала он, а потом я, сверху. Так что, мокрым остался он.

Кто-то захохотал и заулюлюкал. Кто-то даже посыпал снежком, что, на мой взгляд, было совершенно ни к чему. Монстр привычно ругнулся, перевернулся на бок, чтобы я скатилась с него и начал подниматься.

Шапка моя слетела, волосы разметались по лицу, так что он не сразу признал старую знакомую с журналом, и выдал опять уже прослушанный мной однажды поток красноречия. Потом взгляделся и так по лисьи пропел:

– За-инь-ка, да мы встречались...

– К сожалению, – пробормотала я.

Поднялась, отряхнула свою шапку белую и натянула ее на волосы черные. А потом посмотрела на него выразительно, мол, сам дурак, и пошла к своим, крепко вцепившись в отстегнутую лыжу-предательницу. Были мысли извиниться поначалу. Но быстро улетучились.

В этот раз он меня не напугал, может, потому что народа было много, а может, во второй раз я уже понимала, чем все это закончится, к тому же я помнила наставления Веры. А выслушивание ругани на публике меня больше разозлило, чем расстроило. Так что я гордо проследовала со своей лыжей, демонстрируя негибкую волю, интеллигентность и презрение к таким неотесанным и глупым старшеклассникам. Я тренировала новое поведение «наступать», а не «отступать». Это было гораздо приятнее. .

Девчонки стояли с округлившимися глазами, и только Верка поинтересовалась:

– Жень, ты нормально? А то этот гад прямо сверлит взглядом.

Я обернулась, тоже посверлила взглядом «гада» – чуть прищурившись и не мигая несколько секунд, и мы с девчонками отправились к Вере на обед.

А на следующий день у меня появился поклонник. Если это можно так назвать.

Иногда бывают дни серого тумана. В них нет ни солнца, ни луны, а что-то среднее, будто перемешали день и ночь как сметану с черничным сиропом. Не знаю, что такое в этих днях – они тянутся и тянутся. И уж лучше вечер побыстрее. Пустота.

Как только Селиверстов начал крутиться рядом чуть ли не на каждой перемене, девчонки сначала прикидывали, к кому он ходит и на кого глаз положил. И каково же было их разочарование, когда они поняли, что всего лишь на меня.

В классе я дружу с Верой и Леной. С остальными тоже дружу, но не очень. Так вот вся эта история почему-то восстановила других против меня, – не сразу, но постепенно, по мере усложнения ситуации. Только Верка и Ленка меня поддерживали, остальные же почему-то так и норовили задеть. Иногда слышалось что-то вроде: «Ох, наша принцесса пожаловала» или «Что он в ней нашел, не понимаю?».

И я не понимаю. И действительно, с чего бы это?

Одевалась я средне, крутизной не страдала, – в общем, писк моды обходил меня стороной. Не пищал, и даже не попискивал. Мобильник – и тот без наворотов.

Я живу с братом и мамой на ее зарплату администратора в школе иностранных языков. Я почти в совершенстве знаю английский (это я так считаю, мама другого мнения), но все

остальное далеко от совершенства катастрофически.

Одна бабушка живет в деревне за сто километров, куда летом нас отправляют на отдых. Другая бабушка – на пенсии, на другом конце города, тоже не шикует, а как бывший библиотекарь строго следит, чтобы я что-нибудь читала.

– Мозги надо тренировать так же, как и мышцы. А хорошая книга еще питает душу и предостерегает от глупых ошибок и дурных поступков, – говорит она, строго глядя мне в глаза и протягивая очередной том классики. – Здесь все пережито и описано – читай, учись разбираться в людях.

Разбираться в людях я хочу. Поэтому усердно читаю.

Сейчас – собрание сочинений Диккенса. В бабушкиной квартире он занимает целую полку. Думаю, года на два мне хватит.

Каверина, Стивенсона и Фенимора Купера мы одолели в прошлом году – про благородство и неблагородство, теперь приступили к исследованию. После понятий о благородстве бабушка сочла, что я уже готова распознавать поступки и мысли по поведению и выражению лица. Вот умеет она заинтриговать!

Куприна «Впотьмах» читали с целью знакомства с персонажами с виду милыми, а на самом деле... и чтобы не забывать про «прозу жизни» и не слишком увлекаться.

Мне иногда кажется, что она растит из меня детектива. Или разведчика.

Но ее ждет разочарование – у меня совершенно нет к это-

му способностей. Я смотрю в лицо нашей Пакетиковой и ни-че-го не понимаю, кроме того, что она надменная дура. О чем она думает, или чего она хочет – мне, во-первых, совершенно неинтересно, а во-вторых, у Пакетиковой небогатый диапазон эмоций: «Оу» – выражает удивление, «Класс» – нравится, «Фи» – не нравится. Это всё.

Гораздо интереснее другие люди. В сто тысяч раз!

Но кое в чем я все-таки преуспела. Например, я знаю, что от меня скрывают. Для этого не надо много ума, достаточно элементарной наблюдательности, обрывков фраз, небольшого замешательства и ухода от ответа.

Взрослые так предсказуемы. Либо смотрят, не мигая, чтобы слова звучали убедительнее, либо говорят в сторону, будто не тебе. От того маленькая неправда становится вроде бы не тебе адресованной, а так, летающей по воздуху. Ты не обязана ей верить, но если ты успокоишься и перестанешь задавать вопросы, все будут тебе только благодарны. Поэтому я больше вопросов на одну тему не задаю.

Когда-то мы ездили в Болгарию на Золотые пески, было здорово. А теперь отец в вечной командировке на Дальнем Севере – это сказка для младшего брата, но я-то знаю, что родители развелись. Об этом мы все усиленно молчим, когда вопросы задает младший брат.

Виталика Селиверстова разглядывать тоже не хотелось.

После того знаменательного дня – соревнований и валяний в снегу, Селиверстов начал крутиться на переменах воз-

ле нас. Столько раз за день я с ним не сталкивалась за весь учебный год.

– Что ему надо? – спрашивала Вера.

– Что, что? – Лена закатывала глаза и начинала хихикать. – Наверное, хочет, чтобы Женька на него налетела еще раз.

Ну уж нет, теперь я аккуратно передвигалась, притормаживая на поворотах, выглядывала сначала, насколько это возможно, – не несется ли кто на меня. Я стала осторожной.

Если ты не хочешь о чем-то говорить, об этом можно помолчать. Или перейти на нейтральную тему. Это вежливо. Внимательный человек заметит, и не будет возвращаться, а невнимательный заставит тебя повторить этот пируэт еще раз, и еще раз, и еще. Я стараюсь быть внимательной. Говорят, это называется тактичность.

Брата я забираю из сада, когда возвращаюсь с тренировки. И мне по пути, и маме не надо за ним спешить – я успеваю до пяти часов.

Мама зарабатывает на работе, а я – у нее, нагрузкой по дому. У меня теперь еженедельная зарплата. Мамина подруга говорит, что так нельзя, в семейные отношения не стоит вмешивать деньги, а то я потом перестану что-либо делать без них. Дескать, я должна сама, по собственному порыву принимать участие, убираться и стремиться к совершенству.

– Она это серьезно? – уточняю я всякий раз.

– С целью воспитания, – оправдывается мама.

А я не понимаю, какая разница просить деньги на обед и кино или знать, что в конце недели на столе с утра тебя будут поджидать рублей триста или пятьсот. Иногда бывает даже премия. Во всяком случае, мне так легче самоорганизоваться.

Поэтому я намекнула маме, что лучше оставить, как бы-

ло, а то смена линии воспитания может на мне отразиться гораздо больше, чем оплата домашнего труда.

И вообще, мы так решили, а абстрактные рассуждения ее знакомых меня не касаются, они же меня не знают так, как мама. А мама, я уверена, – это я даже подчеркнула дважды, – в меня верит и понимает, что я развиваюсь, и в правильном направлении, под ее чутким руководством.

– Разве можно меня лишать доверия? Совершенно нельзя. Я же ранимый подросток, ко мне надо с уважением и вниманием в этот непростой период. Вот исполнится лет восемнадцать, тогда можно будет обсудить, принять новые договоренности, пересмотреть пункты соглашения.

Я тоже умею умные фразы говорить, если понадобится.

Здесь я сделала паузу, а потом еще пояснила.

– Пока я нахожусь в зоне риска – у меня подростковый кризис, как его описывают педагоги и психологи, – меня надо всячески поддерживать, а не следовать советам посторонних. У них – свой опыт, у нас – свой.

Потом я вспомнила, что мама тоже в зоне риска – у нее какой-то кризис среднего возраста, подозреваю, что это неприятная штука, поэтому я с ней тоже стараюсь быть вежливой и внимательной. Пожелала спокойной ночи, поцеловала в щеку и отправилась к себе в комнату тихо и вполне мирно.

В мои обязанности входит забрать брата из сада три раза в неделю и разогреть ему ужин, стирать свое белье, мыть пол в прихожей и на кухне, поддерживать чистоту в своей ком-

нате. Все пункты написаны на тетрадном листке и прищиплены к стенке, чтобы я не забыла. Пунктов немного, так что я их выучила наизусть.

У меня своя комната именно на этих условиях – иначе брата переселят ко мне, а так он живет вместе с мамой.

Комната у них большая, просторная, поделенная на две части. У мамы шифоньер возле шкафа, чтобы брат не подглядывал, когда она переодевается.

Ему уже пять лет, и он на редкость любопытен. По выходным его забирает бабушка, которая на пенсии. Она же покупает ему одежду и «следит за воспитанием». Не знаю, в чем это заключается, но от нее он приезжает важный со стопкой книг и раскрасок. Думаю, из него она тоже растит детектива.

За мной никто не следит, поэтому в свободное от учебы время я развиваюсь стихийно: смотрю сериалы, играю на ноутбуке, который мама приобрела на новогоднюю премию, и общаюсь с девчонками.

Главный уговор, чтобы в квартире было чисто, – я соблюдаю, уроки делаю, поэтому считаю, что мне можно доверять. Вот только тренировки... Теннис мне не очень... Из-за этого у нас возникают трения.

Мама настаивает, а мне не хочется. Иногда она усаживает меня на кухне и начинает расспрашивать – почему не нравится и все такое...

Я пожимаю плечами и не знаю, что ответить. Тогда она говорит, что все равно надо, что каждый подросток должен

чем-нибудь заниматься, чтобы пройти подростковый возраст без лишних потерь.

Что за «лишние потери» она не уточняет, но я догадываюсь, что это нечто, связанное с плохими компаниями и прочими гадостями, с которыми связана непростая, взрослеющая жизнь, легко подбиваемая на «попробовать что-то новое» или просто «а тебе слабо?».

Ей не о чем волноваться. Сделать что-то этакое, чтобы почувствовать себя крутой или кому-то такой показаться мне почему-то неинтересно.

Для убедительности и чтобы она успокоилась, я изображаю недоумение, будто не понимаю, о чем речь, и она думает, что еще рано говорить об этом, я еще слишком мала и подруги у меня вполне приличные. Что, впрочем, правда. Про подруг. Ну и раз надо чем-то заниматься, – тогда буду ходить на теннис.

У кого были проблемы с эмоциями тот знает, насколько трудно справляться, когда тебе страшно. Неважно, чего ты боишься. Вот боишься – и все. Иногда на всякий случай. И так стараешься не показывать этого. Так стараешься. ,

В общем, много встреч за день с Селиверстовым начали меня пугать. Я не хотела, чтобы он ко мне приближался и особенно, чтобы он заговорил своим нагловатым и развязным тоном. Кому понравится, когда его обзывают?

Пока он крутится рядом, до меня доносятся обрывки фраз, он насмехается над другими, пробегающими мимо него. Мне кажется, что он больше ничего не умеет. Еще и говорит так, нарочито громко, чтобы все слышали.

Верка считает, что он добивается, чтобы я обернулась в его сторону. И что тогда? Это такой тест – он что-то поймет по этому повороту, прочтает во взгляде? Мне надо что-то выразить? А если он неправильно поймет, я же не знаю, что нужно выражать, поэтому стараюсь усиленно не смотреть на него. Вроде как не замечаю.

И еще одна проблема для меня – слишком много внимания. А у меня с этим трудности.

Чуть ли не с первого класса мы работаем над мыслями и эмоциями. Так маме посоветовал психолог, после того, как выяснилось, что мне трудно адаптироваться к школе, и я

не могла отвечать урок, когда меня спрашивали. Тогда мы отрабатывали глубокий вдох, выдох и расслабление, чтобы не бояться сделать ошибку.

У нас правило, – каждую неделю устраивать «эмоционально-разгрузочный день» – мама включает диск релаксации, и мы валяемся, как две амебы в океане Вселенной.

Я представляю будто я маленькая звезда и лечу в космосе. А космос – это океан Вселенной. Потом, я представляют себя морем, которое накатывается на берег тугими волнами, и я сильная, смываю следы на песке и возвращаюсь обратно, чтобы покачиваться и переливаться в лунном свете.

Мама говорит, что она дельфин. Ну, дельфин, так дельфин. Дельфином я еще не была, мне больше нравится быть стихией, а не ее обитателем.

Вот и теперь, мы лежали, распластавшись на полу в субботний вечер, пока брат воспитывался бабушкой, и снимали стресс. Я опять была стихией. Но мою стихию сильно беспокоил Селиверстов, он кружился рядом холодным ветром, угрожая устроить шторм в моих владениях. Не знаю, сможет ли дельфин прогнать его... Или придется представить себя теплым ветром, поднять волны и прогнать чужестранца... Или все-таки подключить дельфина на всякий случай? Я посмотрела на лежащую рядом маму. Про интерес Селиверстова я ей пока не говорила.

Да и надо ли?

Если. С этого слова всегда начинается предположение или мечта. Если бы тогда все вышло не так, как вышло, а по-другому, то и сейчас было бы не так. А поскольку вышло так, то, что теперь? Наверное, глупо заглядывать за угол прошлого и жалеть, что ты оказался не в том месте. Будто хочешь себя оттуда прогнать. Но, наверное, это потому что еще труднее заглянуть за угол будущего.

С каждым его появлением возникало только одно желание – укрыться. Не могу сказать, что мне совсем не льстило его внимание, все-таки приятно кому-то нравиться, но... Вот зачем он мне – такой наглый и грубый?

Верка прятала меня, прижимая к подоконнику, пока Селиверстов рыскал вокруг, Ленка закрывала рюкзаком, но в результате ему надоело крутиться и все пытаться как-нибудь поближе подобраться, и однажды после уроков он возник у двери, перекрыл проход рукой и сказал, что надо поговорить.

Все замерли. И даже как будто испугались. Больше всех испугалась, конечно, я. Почему-то мне показалось, что ни о чем хорошем этот разговор не будет, и такой наглости никак не ожидала. А оказаться в центре внимания всего класса – да я у доски иногда от волнения все забываю, а тут такое дело.

Вся пунцовая с приподнявшимися от ужаса волосами я работала над собой, чтобы усилием воли, спокойным отношением... ой-ей-ей... усилием, спокойствием... уфф, да... преодолеть растерянность... не очень получалось... или хотя бы, не подать вида. Да, не подать вида. Нужно спокойствие и собранность. Не растекаться! Собраться!

Выровнять дыхание – маленький вдох и длинный выдох.

Главное, не стоит его возвеличивать, а себя уменьшать. Да. В конце концов, кто он такой этот Селиверстов?..

Я кивнула и уже не как овца на заклатие, а как трепещущая лань отошла с ним в сторонку, что много лучше, чем овца, правда? Вера с Леной примостились у подоконника, время от времени поглядывая, как там у меня дела. Два товарища монстра тоже стояли неподалеку.

Оказавшись один на один, монстр как-то поскромнел и неуверенно выдал:

– Меня Виталик зовут. А тебя?

– Женя.

Он кивнул, а мне показалось, что он уже знал не только имя, но и фамилию тоже.

– Так чего, Женя?

– В смысле? – не поняла я.

Он стал снова собой: нахально улыбнулся и покровительственно положил руку на мое плечо.

– Так и будем в столкновения играть? Или в гляделки?

– Я не играла. Мы, правда, столкнулись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.